

День, неблагоприятный для здоровья

Никифор поставил чайник на газовую плиту, зажег горелку и вернулся в комнату. Она была наполнена тиканьем часов и розовым светом торшера, стоящего в изголовье двухспальной кровати, на которой, до плеч укрывшись ватным одеялом, спала его жена.

Торшер светил всю ночь. После сердечного приступа жена стала бояться спать в темноте.

— Когда я открываю глаза и ничего перед собой не вижу, — жалобно сказала она ему в один из вечеров, когда на улице шумно падал дождь, а на лестничной площадке брэнчала на гитаре молодежь, — мне кажется, что я умерла и лежу в гробу.

— Ну, что ж, — ответил он как можно спокойней, — будем спать при свете, — помолчав, кивнул в сторону окна, добавил: — Пускай прохожие думают, что у нас в семье всегда веселье...

Он посмотрел на жену, стараясь ступать как можно тише, подошел к окну и приоткрыл штору. Это была привычка, выработанная долгими годами, — прежде чем пойти на работу, узнать о погоде. После своего выхода на пенсию он пытался избавиться от нее, как и от ставшей не нужной потребности рано вставать, но не смог...

В глаза ему посмотрел свет редких окон в доме напротив. Из-за угла стоящего поодаль высотного здания выехал и остановился на остановке длинный автобус с единственным пассажиром.

«Интересно, — подумал он, когда автобус тронулся. — Куда и зачем может ехать человек так рано?». Но сразу же забыл о нем, потому что за спиной прозвучал лишенный сна голос жены:

— Ты почему не спишь?

Об этом, с беспокойством в голосе, она спрашивала у него каждое утро.

— Не спится, — ответил он, не оборачиваясь.

— Тебе мешал свет?

— Нет, — отозвался он, глядя, как вышедшая на крыльцо женщина, придерживая на груди платок, подошла к висящему на стене в доме напротив почтовому ящику и, чуть помедлив, опустила в него письмо.

Он знал эту женщину. Она жила этажом выше с двумя маленькими детьми. Знал, что она оступилась и что из-за этого от нее ушел муж. И что она, вот уже больше года, почти каждый день пишет ему письма.

— Плохо, что у нас с тобой небольшая разница в возрасте, шумно вздохнув, сказала жена.

Он обернулся. Она смотрела на него. Розовый свет торшера делал ее лицо не таким старым, скрывал нездоровую синеву под глазами, и он, уже в который раз, подумал о том, что этот свет намного добрей беспощадной правдивости солнечного.

— Почему? — мягко спросил он.

— Ну, как же, — негромко ответила она. — Сейчас кто-нибудь из нас ушел бы на работу, а другой остался ждать.

— Клашенька, — ласково сказал он. — Об этом нам надо было думать раньше, там, в загсе... А теперь, — развел руками, — теперь уже поздно.

— Да, — грустно согласилась она. — Очень поздно.

Он подошел к лежащей на стуле одежде, но прежде чем облачиться в нее, невольно взглянул в стоящее напротив трюмо. Из зеркала на него смотрел низкорослый, очень пожилой человек с выпирающим поверх трусов животом, с седыми, коротко подстриженными волосами.

«Представляю, как я выгляжу в бане, да еще при дневном свете», — с невеселой усмешкой подумал он, отворачиваясь.

— В последнее время ты стал выглядеть намного лучше, — тихо заметила жена, наблюдая, как он надевает рубашку.

— Будем надеяться, — пробормотал он. — Впрочем, — исподлобья взглянул на нее, — у меня начался обратный отсчет времени. Как на пенсию вышел, так и начался, — усмехнулся, — прыжками, как у кенгуру,

Она слабо улыбнулась.

Он одевался медленно, потому что это хоть как-то, но слизывало предстоящее прожить в дне время.

— Сегодня какое число? — спросила она у него, глядя, как он, сидя на стуле, надевает штаны.

— Второе, — неохотно отозвался он, зная, что она сейчас снова заговорит о здоровье, о неблагоприятных днях, обо всем том, что слышать ему не хотелось, а ей отчего-то доставляло какое-то болезненное удовольствие.

— Значит, сегодня день, неблагоприятный для здоровья, — с тревогой проговорила она, опуская голову на подушку.

— В прошлом месяце их было четыре, а в этом уже пять.

— Ну и пускай, — беспечно отозвался он, заправляя рубашку в штаны. Ненатурально хохотнул: — Купим карточку спортлото, зачеркнем в ней эти числа и обязательно что-нибудь выиграем. — Усмехнулся, добавил: — Для начала — рукава от жилетки.

— Говорят, что это связано с солнечной активностью и магнитными бурями, — с тревогой продолжала она, глядя на давно небеленый потолок и не обращая внимания на услышанное. — Говорят, что они особенно опасны для тех, у кого большое сердце и повышенное давление.

— Можно подумать, что когда человеку за шестьдесят, у него есть другие дни, — хмуро заметил он, заводя стоящий на телевизоре будильник.

— Наверное, есть, — нерешительно уронила она. — Как же без них?

— Были б — сообщили, — веско сказал он и пошел на кухню, из которой послышалось металлическое дребезжание крышки чайника.

В кухне было темно. Он зажег свет, выключил горелку, открыл форточку и закурил сигарету...

— Куришь? — громко спросила она.

— Курю! — с вызовом ответил он.

— Тебе же врач запретил... У тебя тромбы.

— Врачей слушать — вообще не жить, — раздраженно отозвался он. Вдавил окурок в пепельницу. — Это нельзя, это нельзя, третьего не желательно. Прятали бы тогда нас с самого рождения под стеклянный колпак... Тьфу!.. Ты Михаила Лукконена помнишь? — спросил он, войдя в комнату и присаживаясь на край кровати.

— Припоминаю, вроде, — нерешительно ответила она, тяжело поворачиваясь к нему всем телом,

— Ну, так вот. Месяц в больницу, как на работу, ходил. Аппендицит, говорили. Операцию сделали. А у мужика язва желудка... Извини, но наши врачи скоро зубы через задницу будут дергать. Как ни придешь на прием, у них один диагноз — ОРЗ. Разве не так?

Она промолчала.

— Да и вообще, — он махнул рукой. — В этой жизни сам черт не разберет. Другой и табак смолит, и водку жрет, а живет до ста. Другой и не пьет, и не курит, и спортом занимается, а ему судьба — шандалах по башке и в шестигранник.

— Какой шестигранник? — она удивленно посмотрела на него.

— В гроб... В нем шесть граней, — пробормотал он, по

дойдя к окну и открывая форточку.

— Ты почему сегодня такой злой? — негромко спросила она, ежась от хлынувшей в квартиру чистой, утренней прохлады.

— Я?! — он пожал плечами. — Я, Клашенья, такой, как всегда, и даже лучше.

— Со стороны видней, — вздохнула она. — Солнце это...бури...

— О Господи, — чуть слышно пробормотал он. — Бедное солнце.

Они замолчали. Тикал стоящий на телевизоре будильник, с улицы доносился шум проезжающих автомашин, голоса людей.

— Может, сегодня к нам сын с невесткой придут, — неуверенно нарушила она затянувшееся молчание. — Выходной все-таки... Внучку увидеть хочется.

— Может, — буркнул он, распахивая шторы. — Се «может». Чего-чего, а этого добра на земле хоть про запас соли.

— Плохо, что у них нет телефона, — продолжала она. — Мы могли бы позвонить им.

— Лучше, чтоб у Господа бога телефон был, — сказал он, снова присаживаясь на край кровати. — Потому что Бог, какая ни на есть, а надежда... К нему хоть в жилетку можно поплакаться.

Она внимательно посмотрела на него, хотела что-то сказать, но лишь слабо пошевелила вытянутыми вдоль туловища руками.

— Неужели не придут? — спросила она, думая о сыне и его семье.

— Кто их знает, — он пожал плечами. — Может, и пожалуют, — улыбнулся, посмотрел на нее, спросил: — Помнишь, детскую передачу по телевизору смотрели?... Ну, ведущая еще вопрос задала, кто спит вниз головой?

— Вроде, помню, — неуверенно подтвердила она.

— Ну, так вот... Знаешь, что наша внучка ответила?

— Что?

— Сосулька!.. Представляешь?! Мне б до этого никогда не додуматься, — покачал головой, протянул: — Ну и внучка, ну и девчонка!

— А, может, мы сами к ним сходим, — неуверенно предложила она.

— С твоими-то ногами?! — возразил он. — Да ты что?!

В последнее время с ее ногами что-то случилось. Они стали неимоверно толстыми. Вены взбухли до того, что, казалось, вот-вот лопнут. Когда-то она носила маленький размер обуви и часто гордилась этим, говорила: «У меня нога, как у японской женщины», а теперь обувь приходилось заказывать в спецмастерской. Ходила она очень медленно и часто останавливалась, чтобы успокоить сердце.

— Это солнце виновато, — жалобно сказала она. — Если б не оно — я бы попробовала.

— Клаша, — он положил свою ладонь на ее руку, — при чем здесь солнце? Солнце оно где, а сосед, у которого каждый вечер гулянье, — за стенкой... Солнце... При чем здесь солнце, — с горечью усмехнулся, — если после нашего с тобой выхода на пенсию мы стали никому не нужны. За два года нам хоть кто-нибудь позвонил с работы, поинтересовался о здоровье, жизни?.. Нет! А ты — солнце! Нашла козла отпущения.

Она закусила губу и отвернулась лицом к стене.

— Ну что ты, что ты, — пробормотал он. — Не надо попусту расстраиваться. Это не мы такие, это жизнь такая...

В комнате стало светлей. Солнца еще не было видно, но свет его отражался в окнах верхнего этажа поодаль стоящего высотного дома.

Он снова посмотрел на часы, ласково спросил:

— Клаша? Чай-то пить будешь?

Она кивнула.

— Ну, ты вставай, — он погладил ее по руке, — а я пойду стол накрою...

Чай пили в кухне, у окна, за маленьким столиком. Звучно и однообразно капала вода из водопроводного крана. Время от времени жестко хлопала дверь подъезда.

— Скоро придет осень, — тихо заметила она, глядя в окно.

— До осени еще больше месяца.

— Что такое «месяц», — вздохнула она, по-прежнему не отводя глаз от окна, — если уже столько прожито, — и, помолчав: — Интересно, осень стареет?

— Что? — переспросил он, опуская кружку с чаем на стол и удивленно глядя на нее.

— Да так... ничего, — торопливо ответила она.

— Надо в магазин сходить, — сказал он. — Хлеб, чаю заварного купить... Слышишь?

— Что? — она вздрогнула. — Да! Сходи, конечно.

— Что с тобой?! — встревоженно спросил он, внимательно взглянув на нее.

— Со мной?.. Ничего, — она слабо улыбнулась. — Просто разные дурные мысли в голову лезут... Видать, совсем постарела.

— Все на этом свете стареет, — хмуро уронил он. — И люди, и камни, и доброта. — Улыбнулся, добавил: — Главное, Клаша, — это беречь свое здоровье.

— Поздно, — выдохнула она, медленно помешивая чайной ложкой в чашке.

— Что поздно? — не понял он.

— Здоровье беречь. Раньше надо было об этом думать. А сейчас, — она дернула плечами. — Времени много, а здоровья нет... Упрыгало... Как кенгуру.

— Значит надо догнать, — пошутил он. — Йогой заниматься или этой, как ее, аэробикой.

— Прыгают, — уронила она.

— Кто? — он недоуменно посмотрел на нее.

— Девочки, — она кивнула в сторону окна. — В классики...

Он внимательно посмотрел на нее. Свет распогодившегося дня был пронзительно чист, и он невольно заметил, как, оказывается, сильно постарела его жена.

— Что смотришь? — тихо спросила она. — Старая очень?

— Ну, что ты... Какой была, такой и осталась.

— Ой, Никша, Никша... Если б так... — негромко и грустно проговорила она. Помолчав, спросила: — В магазин-то когда пойдешь?

— А сейчас и пойду.

— — Я тебя на улице подожду, на скамейке... Все ж не в четырех стенах...

...На улице было жарко. Желтое солнце висело почти над самой головой, роняя на серый от пыли асфальт тени от стоящих вдоль тротуара деревьев.

— Так я пойду, — сказал он, когда жена тяжело села настоящую рядом с подъездом скамейку.

— Иди-иди, — она махнула рукой. — Смотри, через дорогу-то поаккуратней. Поди, не двадцать лет, чтоб петушком-то бегать...

Никифор поправил на голове берет, перехватил поудобней хозяйственную сумку и медленно зашагал в сторону магазина.

Купив в магазине пачку заварного чая и батон, Никифор вышел на улицу, посмотрел в сторону дома, нерешительно переступил с ноги на ногу и пошел к сыну.

Людей на улице, как обычно бывает в выходной день, было много. Его то и дело толкали, но он не обращал на это внимания.

Сын жил недалеко, через остановку, в старом, добротном построенном доме, в котором были толстые кирпичные стены и высокие потолки.

Прежде чем подняться на четвертый этаж, он постоял, привалившись спиной к стене, впервые ощущая, как незнакомо часто бьется сердце и дрожат ноги.

— Видать, и на самом деле — солнце, — пробормотал он.

— Аль сам сдаю потихоньку... Сдаю. Жизнь, как говорится, идет к тиражу погашения.

Подымался тяжело, держась за отполированные сотнями рук перила...

— Зря трезвоните, — сказала ему выглянувшая из соседней квартиры женщина. — Они с полчаса назад на пляж ушли.

— На пляж? — переспросил он и растерянно оглянулся. — Но как же так?

— А что тут такого?! — она удивленно пожала плечами.

— Погода солнечная. Не в квартире же им сидеть. Молодые еще. В старости еще успеют насидеться.

— Да... Конечно, — пробормотал он. — Конечно.

— Может, им передать что-то надо?

— Передать? — переспросил он. — Чего передать?

— Не знаю, — женщина дернула плечами. — Но ведь не зря же вы пришли.

— Скажите, что отец приходил.

И это все?! — она удивленно, посмотрела на него.

— А разве этого мало?

— Для кого как... Впрочем... — потерла виски, — оставьте лучше записку. Мало ли уйду куда.

— Но у меня нет бумаги, — растерянно проговорил он. — Ручка есть... Привычка, знаете ли... Мастером работал.

— Сейчас принесу, — перебила она...

Записку он писал, приложив листок к стене. Это было неудобно, и строчки выходили кривые.

«Здравствуй, Гена, — написал он. — Мама беспокоится — как вы? Почему не заходите? Ждем. Папа». Подумал и переправил слово «Гена» на «сын», а слово «папа» на «отец». Перечитал, сложил листок вчетверо и засунул его в щель между дверной коробкой и дверью...

Жена встретила его, сидя в стоящем у окна кресле, держа на коленях толстый альбом с фотокарточками.

— Вот... смотрю, — извиняющимся голосом сказала она, хотя он, войдя в комнату, ничего у нее не спросил. — Ходила, ходила...

— А плакать-то зачем? — хмуро спросил он, подойдя к ней. — Лет десять назад, разглядывая их, ты смеялась, а теперь...

— Сентиментальной, наверное, стала... Как увижу, так и... — не договорила, прижала платок к глазам, всхлинула.

Он взял из альбома одну из фотокарточек и подошел к окну.

— Это мы на озере, — сказала она, глядя на него. — За день до свадьбы. Помнишь, как ты целовал меня тогда?

— Нашла о чем вспоминать, — пробормотал он, не сводя глаз с фотокарточки, с которой на него смотрела, улыбаясь, красивая девушка с длинными, распущенными по плечам волосами.

Он незаметно посмотрел на жену и грустно улыбнулся.

— Когда к сыну-то пойдем? — обеспокоенно спросила она, когда он вернул фотокарточку.

— Отдохнем и пойдем, — ответил он, убирая альбом в шкаф. — Приустал я что-то... Да и время терпит.

— Ты думаешь, что оно такое терпеливое? — она подняла на него глаза.

— Мы же с тобой терпеливые, — буркнул он.

Она спала, укрывшись старым пледом. Он посидел у окна и стал убирать квартиру. Вытирая «лентяйкой» пол, он настороженно прислушивался к шагам на лестничной площадке и

замирал, когда они хоть на мгновение замедлялись у его дверей... Жена спала. День уходил. Солнце садилось за далекую полосу леса.

— А ведь сегодня только первое число! — неожиданно вспомнил он.

— Первое! Второе будет завтра... Второе день, неблагоприятный для здоровья.